

Хреков А.А.

«СКИФСКИЙ ЛОГОС» ГЕРОДОТА
И НАСЕЛЕНИЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЕРЬЯ
В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

К VI–V вв. до н. э. северное побережье Понта и Меотиды было уже хорошо известно в античном мире. Скифские и другие племена под разными названиями фигурируют у древних географов, историков, философов, поэтов. В это время греки установили прочный контакт с местным населением прибрежных земель. От этого населения поступила и информация о народах, населяющих глубинные районы, в том числе расположенные к востоку и северо-востоку от Меотиды и реки Танаис, которая по понятиям древних отделяла Европу от Азии. Но, пожалуй, единственным письменным (помимо археологических) источником, который как-то проясняет этнокультурную ситуацию в бассейне Хопра, в раннем железном веке, является «История» Геродота. Давно установлено, что в основе геродотовой диатезы племен «за Танаисом» лежала древняя периэгеса – описание торгового пути из Гавани борисфенитов к приуральским агришпеям и исседонам [Граков, 1947. С. 23–38].

В настоящее время, с открытием археологических памятников и отдельных находок раннего железного века на территории лесостепного Прихоперья, появилась возможность проверить степень достоверности сообщений «отца истории» о размещении народов на танаисском участке торгового пути. Тем более, что пограничное положение региона, находящегося на самой восточной окраине европейской Скифии, на стыке с финноугорскими и савроматскими племенами, практически полностью согласуется с этногеографией Геродота.

Излагая в четвертой книге своего труда сведения о Скифии, Геродот перечисляет народы, обитающие за Танаисом. Среди них – савроматы, будины, тиссагеты и йирки. «Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но в начале области савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев [Herod.: IV, 21]¹. Проблема расселения савроматов непосредственно

¹ Текст «Истории» Геродота приводится в переводе И.А. Шишовой по изданию: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

связана с идентификацией Танаиса. В отечественной историографии большинство исследователей (Ф.Г. Мищенко, М.И. Ростовцев, Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов, Д.Б. Шелов и др.) отождествляют Танаис с Доном, на левобережье которого начинались земли савроматов [Мошкова, 1989. С. 153].

Версия о расселении савроматов согласуется и с археологической ситуацией, поскольку в степях междуречья Дона, Волги и Заволжья выделена единая археологическая культура, отождествляемая всеми исследователями с савроматами. Однако, проникновение савроматов в лесостепное Дону-Волжское междуречье, видимо, носило спорадический, сезонный характер [Медведев, 2003. С. 112; Матюхин, 2000. С. 170]. Отдельные встреченные комплексы являются, скорее, исключением, чем правилом. В основном, это предметы вооружения. Только на территории лесостепного Прихоперья отмечено семь пунктов (Инясево, Малый Карай, Летяжевка, Родничок, Шапкино, Медвежий куст, Борки), где обнаружены железные мечи-акинаки, бронзовые наконечники стрел, детали конской узды, рукоять ножа в виде головы кабана, оселок, имеющий скифо-сарматский облик (рис. 1).

Один из мечей (рис. 2, 1) – случайно найден на пахотном поле в 1,5–2 км севернее с. Инясево Романовского района Саратовской области (утерян). Здесь же зафиксирована практически уничтоженная распашкой группа курганов. Общая длина меча составляет 88 см, длина рукояти с навершием и перекрестием 14,7 см. Длина клинка составляет 73,3 см, его ширина у основания 3,8 см. Навершие меча брусковидное, в плане имеет форму вытянутого овала, перекрестие сердцевидное. Плоская рукоять по бокам ограничена валиками. Клинок двулезвийный, сечение линзовидное. По классификации скифских мечей, предложенной А.И. Мелюковой, меч из Инясево следует отнести к особому варианту 2 типа первого отдела – мечам с прямым брусковидным навершием и сердцевидным перекрестием [Мелюкова, 1964. С. 50]. Рукояти с боковыми валиками получили широкое распространение среди ранних скифских акинаков в Северном Причерноморье и на Кавказе [Смирнов, 1961. С. 11]. Подобная форма рукояти, судя по всему, является пережитком биметалличности, что вместе с сердцевидной формой перекрестия свидетельствует об архаичности данного экземпляра и датируется VI в. до н. э.

Второй меч (рис. 2, 2) случайно обнаружен на восточной окраине с. Малый (Мордовский) Карай Романовского района Саратовской области (хранится в краеведческом музее г. Балашова). Общая длина меча 42,5 см, длина рукояти с навершием и перекрестием – 13,5 см, длина клинка 29 см, его ширина у основания 3 см. Навершие меча брусковидное в форме вытянутого овала, перекрестие почковидное с чуть вышуклой верхней стороной. Плоская рукоять по бокам имеет пазы. Клинок двулезвийный, имеющий ярко выраженное ребро жесткости. По типологии А.И. Мелюковой акинак можно отнести к первому типу первого отдела скифских мечей и кинжалов, датирующихся VI в. до н. э., главным образом его второй половиной [Мелюкова, 1964. С. 47–49].

Третий меч (рис. 2, 3) найден на пашне в 3,5 км юго-западнее железнодорожной станции Летяжевка (с. Семеновка) Аркадакского района Саратовской области (хранится в краеведческом музее г. Аркадака). Общая длина меча 32 см, рукояти с навершием и перекрестием – 12 см, клинка – 20 см, а его ширина у основания – 41 см. Поверхность сильно коррозирована, конец клинка обломан. Навершие акинака брусковидное, в плане имеет форму вытянутого

овала, перекрестие почковидное. Плоская рукоять с обеих сторон украшена вертикальной елочкой, перекрестие – закручивающейся спиралью или «глазами» хищника. Сечение клинка линзовидное, с едва намеченным ребром жесткости. По типологии А.И. Мелюковой акинак относится к мечам первого отдела первого типа [Мелюкова, 1964. С. 47–49] и датируется второй половиной VI в. до н. э.

Случайные находки акинаков известны и в более южных районах лесостепного Прихоперья [Воропаев., Ворошилов, 2005. С. 163–164].

Большинство исследователей случайные находки мечей и кинжалов на территории лесостепного Подонья и Прихоперья рассматривают как свидетельство военных столкновений местных племен с савроматами [Пузикова, 1984. С. 212; Медведев, 1999. С. 52]. По другой версии эти предметы связаны с погребальными или культовыми комплексами кочевых или полукочевых этнических групп [Разуваев, Курьянов, 2004. С. 192]. Упоминание об использовании мечей в религиозной практике скифов встречается у Геродота [Herod.: IV. 62]. Возможно, случайные находки мечей, не приуроченные к погребениям, являются остатками поминальных или жертвенных комплексов, связанных с культом военного божества и отправляемых непосредственно на поле боя, либо рядом с ним.

Другая категория находок скифо-савроматского времени с территории лесостепного Прихоперья представлена бронзовыми наконечниками стрел. По классификации А.И. Мелюковой и К.Ф. Смирнова наконечники относятся к различным типам.

К первому типу относится двулопастной наконечник, имеющий головку лавролистной формы и шип на втулке (рис. 2, 4). Обнаружен на дюнной стоянке у села Инясево Романовского района Саратовской области (хранится в Балашовском краеведческом музее). Подобные наконечники характерны для VII – начала VI вв. н. э. и лучше всего представлены в комплексах лесостепной Скифии [Мелюкова, 1964. С. 18].

Ко второму типу относится трехлопастной наконечник с листовидной головкой и коротким шипом на втулке (рис. 2, 5). Случайная находка в районе с. Родничок Балашовского района Саратовской области. Хранится в Балашовском краеведческом музее. По классификации А.И. Мелюковой датируется первой половиной VI в. до н. э. [Мелюкова, 1964. Табл. 6].

К третьему принадлежит наконечник с треугольной головкой и выступающей втулкой. Нижние края лопастей срезаны под тупым углом к втулке (рис. 2, 6). Широко представлены в савроматских памятниках VI–V вв. до н. э. [Смирнов, 1961. С. 48]. Случайно обнаружен на дюнной стоянке I у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области (хранится в краеведческом музее г. Балашова).

К скифо-савроматскому времени также относятся две бронзовые уздечные бляшки-пронизи с петлей на обратной стороне, скреплявшие перекрестия ремней. Случайно обнаружены на пахотном поле левого берега реки Елань у села Медвежий Куст (в настоящее время не существует) Балашовского района Саратовской области. Одна из них (рис. 2, 7) грибовидной формы, с овальным щитком, украшенным выступающими бугорками. Другая бляшка имеет плоский округлый щиток с рельефно выполненной фигурой «летающего» коня (рис. 2, 8) и обломанную широкую петлю. Оба изделия хранятся в

Балашовском краеведческом музее. Точные аналогии нам не известны. Скорее всего, сюжет «летающего» коня связан с влиянием греческого искусства на кочевые племена Северного Причерноморья [Окайко, 1976. С. 66–73]. В самых общих чертах бляшки датируются VI–V вв. до н. э. [Смирнов, 1989. С. 372, табл. 67, 19–30].

Интересно, что в 5 км., вверх по течению реки Елань, на многослойном поселении у села Борки обнаружен лепной сосуд (рис. 2, 9) скифоидного облика совместно с рогожной городецкой керамикой [Хреков, 1981]. Форма сосуда горшковидная, дно плоское, венчик отогнут наружу. Верхний срез украшен пальцевыми защипами. Тесто плотное, с примесью дресвы. Поверхность серого цвета с коричневатым оттенком. Близкие аналогии известны на многочисленных памятниках скифского времени Среднего Дона V–IV вв. до н. э. [Синюк, Березуцкий. 2001].

Таким образом, ставить вопрос о присутствии скифоидных или савроматских племен на территории лесостепного Прихоперья или степени их влияния на местное финноугорское население пока преждевременно. И в первую очередь из-за отсутствия погребальных комплексов. Но в вопросах хронологии и датировки местных поселенческих памятников раннего железного века скифо-савроматские элементы имеют первостепенное значение.

На интересующем нас пути, связанном с Танаисом, также упоминаются будины. «Выше их (савроматов) живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом [Herod. IV. 21, 108–109]. Вопрос о локализации будинов на Среднем Дону до последнего времени остается открытым. В последние годы в отечественной науке все более настойчиво звучат утверждения ряда исследователей об этнокультурном единстве в скифское время лесостепного Подонья и степной и лесостепной зон Северного Причерноморья с одной стороны, и территории Нижнего Дона – с другой [Гуляев, 2000. С. 151; Максименко, 2000. С. 183]. Нам представляется, что с будинами наиболее надежно отождествляются племена среднедонской культуры скифского времени [Либеров, 1969. С. 15–26], составляющие крайний восточный вариант лесостепных скифоидных культур. Вероятно, основной территорией среднедонских будинов было правобережье Дона и Воронежа, где зафиксированы долговременные городища и могильники [Медведев, 1992. С. 167; Медведев, 2004. С. 66]. В левобережье Дона не выявлено значительного массива памятников скифского времени. Следы кратковременных поселений обнаружены только на сравнительно узкой полосе между Доном и Битюгом, которая, скорее всего, использовалась правобережным населением в качестве летних пастбищ. Далее на восток, вплоть до Хопра, по мнению А.П. Медведева, простиралась незаселенная территория, с которой происходит большое количество случайных находок акинаков [Медведев, 1992. С. 167; Медведев, 1993. С. 65]. Но в последнее время в бассейне Хопра выявлена защипная керамика, морфологически близкая среднедонской скифоидной или имеющая смешанные черты [Хреков, 2000. С. 58–71; Хреков, Завитаев, 2006. С. 80] но составляющая незначительный процент.

По Геродоту: «Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстояние более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя имя которому йирки.

Они также живут охотой, занимаясь ею следующим образом. Охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране. У каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем, чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним» [Herod., IV. 22]. Анализируя данные Геродота, Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что ийрков следует отнести к типично лесной дьяковской культуре, а тиссагетов – к лесостепной городецкой [Рыбаков, 1979. С. 192]. Однако проблему локализации ийрков и тиссагетов вряд ли следует считать решенной. Исследователи давно обратили внимание на то, что подобный способ охоты можно было практиковать, скорее всего, в южной подзоне широколиственных лесов или в северной части лесостепи, где дубравы чередовались с обширными открытыми пространствами. Подходящие природные условия были на большей части территории, занятой городецкими племенами, что еще раз косвенно свидетельствует в пользу предлагаемой их идентификации с тиссагетами и ийрками.

М.Н. Погребова и Д.С. Раевский обратили внимание на то, что нет никаких оснований выделять последним отдельную территорию и приписывать им особую, лежащую вне городецкого ареала культуру [Погребова, Раевский, 1992. С. 203]. В таком случае географическому положению земли тиссагетов и ийрков и их хозяйственно-культурной характеристике точно соответствует обширный ареал городецкой культуры, действительно резко отличающийся от скифоидных культур восточноевропейской лесостепи. Основная ее территория находилась к северо-востоку от Среднего Дона [Смирнов, Трубникова, 1965. Табл. 1] и была отделена от земель донских будинов широкой пустынной полосой по водоразделам Дона, Хопра и правых притоков Оки. Как уже указывалось, в Левобережье Дона до сих пор не обнаружено значимого массива памятников скифского времени. Скорее всего, эта территория, не имевшая постоянного населения, соответствует названию «пустыни» у Геродота, которая, по его словам, разделяла земли будинов и тиссагетов по маршруту знаменитого торгового пути. Однако, за «пустыней» в бассейне Хопра, в последние десятилетия открыты и исследуются многочисленные (более 20) памятники финноугорской городецкой культуры [Хреков, 2000. С. 59, рис. 1] с рогожной и текстильной керамикой. Судя по материалам, некоторые из них – Дурникинское (Богатырка), Шапкино I (дюна 4), Шапкино-VI, ранний комплекс Никольевки, Алмазово-II, Алмазово-III относятся к середине I тыс. до н. э.

Наиболее интересным памятником является Дурникинское городище (Богатырка). В 1930 г. П.С. Рыков дал краткое описание городища [Рыков, 1931], но, к сожалению, топографический план, находки или их рисунки не сохранились. В 2001 г. установлено точное местонахождение и топографические особенности городища.

Памятник находится на мысу правого коренного берега р. Карай, в 2 км западнее с. Подгорное (бывшее село Дурникино) Романовского района Саратовской области (рис. 3, А). С юга на север террасу прорезает овраг, образуя с юго-западной стороны выступ, на котором расположено городище. Высота склонов более 50 м. Площадка (71 x 68 м), которую занимает городище, ровная, заросшая лесом и кустарником и нарушенная позднейшими перекопами

кладоискателей. С напольной стороны мыс отделен рвом и валом длиной более 60 м. Ширина рва 2,7 м, глубина 0,8–1,2 м. Высота вала 1,5–1,8 м, ширина у основания около 3 м. На расстоянии 5,7 м к западу от внешнего вала зафиксировано еще одно земляное сооружение подквадратной формы. Размером 26–29 x 34 м (рис. 3, Б). По всему периметру оно было окружено невысоким валом и рвом. Высота вала 0,7–1 м, ширина у основания более 1,5 м. Ширина рва 1,9 м, глубина – 0,75 м. Судя по обнажениям мощность культурного слоя составляет 0,40–0,45 м. На склонах и отвалах кладоискательских ям собрана немногочисленная, но выразительная коллекция городецкой керамики, кости животных, кремневые и кварцитовые отщепы.

Керамика (54 фрагмента) изготовлена из плотного теста с примесью дресвы и шамота. По способу обработки поверхности она подразделяется на текстильную, гладкостенную и рогожную.

Коллекция текстильной посуды (рис. 4, 1–3, 7–8) включала 2 венчика, 2 днища, 5 стенок. Поверхность фрагментов серая с коричневатым оттенком. Яркой особенностью являются ниточные отпечатки ткани, покрывающие всю внешнюю поверхность сосудов. Днища плоские, с закраиной. По форме текстильная керамика подразделяется на 2 типа.

Тип 1 – профилированные округлобокие горшки с коротким, отогнутым наружу венчиком. Край венчика косо срезан и украшен вдавлениями (рис. 4, 1). Толщина стенок 0,3–0,6 см.

Тип 2 – банки с грибовидно-утолщенным плоскосрезанным венчиком (рис. 4, 7). Верхний срез венчика и стенки украшены оттисками ткани. Толщина стенок 0,6–0,7 см.

Гладкостенная керамика (2 венчика, 1 днище, 8 стенок) представлена тонкостенными более или менее профилированными сосудами с округлыми боками и средней величины отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 4–6). Верхний срез венчика украшен вдавлениями. Толщина стенок 0,3–0,4 см.

Рогожная керамика (3 венчика, 30 стенок, 1 днище) включает банковидные слабопрофилированные сосуды с прямым или загнутым внутрь Г-образным венчиком (рис. 4, 9–15). Верхний срез плоский, скругленный, иногда украшен оттисками рогожки. Поверхность сосудов покрыта оттисками среднеячеистого, мелкоячеистого и аморфного штампов. Толщина стенок 0,3–0,7 см.

В целом, оценивая соотношение трех керамических серий Дурникинского городища, более архаичной следует признать профилированную текстильную и гладкостенную керамику с вдавлениями по верхнему срезу венчика. Видимо, на городище они составляют единый керамический комплекс. На это указывает технология изготовления, состав теста, цвет, толщина стенок. Предварительно нижнюю дату древнейшего населения Дурникинского городища можно определить в рамках VI–V вв. до н. э., что соответствует раннему этапу городецкой культуры. В этот период городецкие племена осваивают лесостепную зону, вступают в контакты со скифоидными племенами [Мионов, 1995. С. 78; Медведев, 1993. С. 76]. Отражением взаимопроникновения культурных традиций на керамическое производство является наличие скифоидных элементов в виде зарубок, вдавлений, зашипов на собственно городецкой сетчатой, гладкостенной, псевдорогожной посуде. Именно эти

черты характеризуют ранний комплекс Дурнишкинского городища, как и других памятников лесостепного Прихоперья.

К более позднему периоду относится керамика с текстильными (единичные фрагменты) и псевдорогожными оттисками. Она отличается толстостенностью, красновато-коричневатой поверхностью сосудов, орнаментом. Проведенные наблюдения по среднеокской, верхнедонской и нижневолжской городищной керамике отмечают закономерность смены к III-II вв. до н. э. крупноячеистой фактуры отпечатков более мелкими небрежными оттисками [Черная, 1981. С. 70–86]. Особо следует отметить, что оборонительные сооружения городища не имеют аналогов ни на территории городищной культуры [Миронов, 1976. С. 14; Сарапулкина, 2006. С. 149–151], ни на скифской Днепро-Донской междуречья [Моруженко, 1985. С. 160–176].

«Чистый» комплекс раннегородищной керамики выявлен на многослойной стоянке Шапкино-I (дюна 4) на левом берегу р. Вороны. Памятник находится в 700 м на северо-запад от с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Здесь в 1981–1984 гг. исследована основная часть стоянки, где вскрыто 1150 кв. м культурного слоя [Хреков, 2000. С. 66–68]. Материалы раннего железного века представлены почти исключительно обломками лепной керамики (147 единиц).

По способу обработки поверхности керамика делится на текстильную с «ниточными» оттисками (49 фрагментов), рогожную (96 фрагментов) и гладкостенную (2 фрагмента). Одним экземпляром представлен фрагмент с «рябчатými» оттисками.

Внешняя поверхность текстильной керамики, в том числе и верх сосудов, покрыты сгруппированными вертикальными и наклонными ниточными оттисками (рис. 6, 1–3). Большинство венчиков с внешней стороны имеют наплыв в виде широкого плоского или закругленного воротничка. По форме выделяются два типа сосудов. Первый – представлен слабопрофилированными горшками, с коротким, отогнутым наружу венчиком (рис. 6, 1).

Ко второму – относятся банки с прямым, или чуть загнутым внутрь краем венчика (рис. 6, 2–3).

На рогожной посуде преобладают крупно- и средняячестые отпечатки штампа. Помимо широкого воротничкового наплыва (рис. 6, 7), встречаются Т и Г-образные утолщенные формы (рис. 6, 4–6, 8) венчиков.

Преобладают сосуды банковидных форм с прямым венчиком (рис. 6, 4, 6–8). Менее распространены сосуды с прямым или чуть отогнутым венчиком и профилированным туловом (рис. 6, 5). Кроме того, к городищному комплексу относятся две гладкостенные чашевидные баночки (рис. 6, 9–10).

В восточной части раскопа дюны 4, впервые для территории лесостепного Прихоперья, открыто жилое сооружение. Постройка подпрямоугольной формы с закругленными углами 6,1 x 3,8 м углублена в материк на 0,5 м (рис. 5, 1). Длинными сторонами ориентирована по линии СВ–ЮЗ. По периметру зафиксирована приступка шириной от 0,1 до 2 м, вероятно выполнявшую функцию лежанки, и две столбовые ямки диаметром 0,2–0,3 м. В центре имелось углубление размером 3 x 2,5 м с утрамбованным полом и двумя ямами. Одна из ям (№ 4) – овальной формы 1,2 x 0,55 м, глубиной в материке до 1 м, судя по заполнению (обожженные кости животных, угольки, 34 фрагмента рогожной керамики, прокаленные стенки), представляла очаг. Вторая яма

(№ 5) такой же формы размером 0,85 x 0,7 м, глубиной до 0,5 м была заполнена темной супесью. На дне постройки встречены миниатюрный гладкостенный сосудик (рис. 6, 10), керамика с рогожным (рис. 6, 6, 7) и текстильным (рис. 6, 3) оттисками, каменный зооморфный предмет и несколько кремневых отщепов.

Для определения хронологической позиции постройки и всего керамического комплекса принципиальное значение имеет фрагмент горшковидного сосуда (рис. 5, 5) с бороздчатой поверхностью и валикообразным венчиком с вдавлениями. Как уже отмечалось, подобный способ оформления венчика широко практиковался скифоидными племенами Подонья [Медведев, 1993. С. 75–76] в VI–V вв. до н. э. Эту дату керамического комплекса подтверждают: бронзовая рукоять ножа в виде вытянутой головы кабана (рис. 5, 3), оселок (рис. 5, 4) и пряслице (рис. 5, 2) скифоидного облика. Все предметы обнаружены в верхней части культурного слоя в районе постройки, т. е. перекрывали ее. Внутри рукояти сохранились остатки железного ножа. В Восточной Европе находки биметаллических ножей с зооморфными навершиями крайне редки. Они изредка встречаются у ананьинцев, скифов и савроматов. Однако принято считать такие изделия достаточно ранними, характерными для VI–V вв. до н. э. [Кузьминых, 1983. С. 150].

Комплекс текстильной и рогожной керамики зафиксирован на многослойном поселении Шапкино-VI. Памятник находится в 2 км к северо-западу от с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области [Хреков, 2000. С. 63, рис. 3]. За три полевых сезона 1991–1993 гг. исследовано 608 кв. м.

Текстильная посуда, судя по сохранившимся 42 фрагментам, имела в разной степени профилированную банковидную форму (рис. 7, 7–8). Верхняя часть венчиков закруглена или Т- и Г-образно утолщена. Днища плоские с закраинами и без нее. В целом, керамика сильно фрагментирована.

Рогожная керамика насчитывает 125 фрагментов стенок, венчиков и днищ. Преобладает крупно- и среднеячеистая фактура отпечатков. Верхний край венчиков утолщен, изредка покрыт оттисками рогожки и нарезками. По форме тулова и профилировке венчика рогожная посуда подразделяется на три типа.

Первый – включает профилированные горшковидные сосуды с прямым или чуть отогнутым наружу венчиком (рис. 7, 1). Ко второму – относятся непрофилированные банки, имеющие прямой невыделенный венчик (рис. 7, 3–6). Третий тип представлен округлобкими банками с загнутым внутрь краем венчика (рис. 7, 2).

К городецкой культуре относится подпрямоугольная в плане постройка (рис. 8, 1), размером 4,15 x 3,65 м, глубиной в материке 0,3 м. Дно ровное, заметно утрамбованное. У северной стенки зафиксировано скопление уголков, видимо, остатки очага. На полу обнаружены: обломок железного ножа (рис. 8, 2), цилиндрическое пряслице (рис. 8, 3), грузик дьякова типа (рис. 8, 4) и фрагменты керамики с текстильными и рогожными оттисками (рис. 8, 5–10). Почти в центре постройки находился развал горшковидного толстостенного сосуда, поверхность которого заглажена бороздами-штрихами.

В силу перемешанности культурного слоя и отсутствия комплекса датирующих предметов точная датировка памятника затруднена. Для датировки и культурной атрибуции памятника основную массу данных дает керамика.

Своеобразным хронологическим маркером являются единичные фрагменты скифоидной и рогожной керамики с насечками и защипами по верхнему срезу венчика. Наличие скифоидных элементов в городецкой керамике, крупноячеистая и текстильная фактура отпечатков, переход от баночных к профилированным формам характеризуют ее ранний (VI–V вв. до н. э.) и начало развитого этапа [Миронов, 1995. С. 78–79]. В эти хронологические рамки укладывается грузик дьякова типа, которые появляются не ранее IV в. до н. э. [Розенфельд, 1974. С. 189].

Таким образом, весь керамический комплекс перечисленных памятников несомненно свидетельствует о присутствии раннегородецких племен на территории лесостепного Прихоперья в середине I тыс. до н. э. Керамика других памятников (Алмазово-II–III, Никольевка) менее выразительна. Наряду с крупноячеистой рогожкой, в них практически отсутствует текстильная керамика и скифоидные элементы.

Занимая наиболее южное положение и находясь на границе со скифо-савроматским миром, финно-угорское население этого района, традиционно связанное с лесным миром, видимо, являлось основным источником информации о северных народах в греческих городах Северного Причерноморья. Носителями такой информации были купцы и сами кочевники. Нам представляется, что, когда Геродот писал о локализации тиссагетов и обитавших рядом ийрках (семь дней пути на север в сторону восточного ветра от будинов), он дал довольно точные координаты (где-то около 300 км от Среднего Дона на северо-восток) населения, проживавшего в лесостепном междуречье Волги и Дона, то есть в Прихоперье. Это предположение вполне согласуется с Геродотовым известием о том, что «из земли тиссагетов берут начало четыре больших реки – Танаис, Гиргис, Лик, Оар [Herod. IV. 123]. Если Танаис, как это установлено современными исследователями – Дон, то не скрываются ли за перечнем оставшихся рек древнейшее название Хопра, протяженность которого более 1000 км? Наибольшие шансы для идентификации с Хопротом имеет Гиргис (Сиргис), поскольку он прямо назван притоком Танаиса [Herod. IV. 57], причем притоком именно левым (восточным). Вопреки логике попытки поиска Гиргиса среди левых притоков Дона предпринимались лишь единичными (Ф. Укерг, Ф. Брун) исследователями [Доватур и др., 1982]. Больше внимание уделялось правым донским притокам, хотя этот вариант находится в противоречии с указаниями Геродота [Рыбаков, 1979. С. 59]. Значительный интерес вызывает идентификация реки Лик с Медведицей (И. Реннел). И, наконец, последнюю реку из перечисленных – Оар большинство ученых отождествляют с крупнейшей рекой современной Европы – Волгой (И. Реннел, К. Риттер, М. Киселинг и др.). Эти исследователи опору для своей версии находят в сообщении Птолемея и других римских авторов, знавших Волгу под именем Ра, близким названию ее у финнов – Рава. Б.А. Рыбаков предположил другую версию. Он идентифицирует геродотовский Оар с птолемеевским Агаром и современной рекой Корсак, впадающей в Азовское море западнее Дона [Рыбаков, 1979. С. 59].

Таким образом, вариант отождествления Гиргиса с Хопротом нам представляется наиболее предпочтительным, а открытие раннегородецких памятников на этой территории прямо или косвенно подтверждает локализа-

цию здесь геродотовых йирков и тиссагетов, представляющих собой локальные варианты одной культуры.

Литература:

Воропаев Н.Н., Ворошилов А.Н. Случайные находки раннего железного века в лесостепном Прихоперье. // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2005.

Граков Б.Н. Чи мала Ольвія и торговельні зносини з Поволж्याм і Приураллям в орхайчну и классичну епохи? // Археологія, 1947. Т. 1.

Гуляев В.И. Об этнокультурной принадлежности населения Среднего Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном века. М., 1983.

Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. // МИА. № 151. М., 1969.

Максименко В.Е. Население междуречья Дона и Северского Донца в V–III вв. до н. э. (савроматы, сирматы, сарматы) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Матюхин А.Д. Формирование периферии кочевого мира в раннем железном веке // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии (матер. междунар. конф.). Саратов, 2000.

Моруженко А.А. Городища лесостепных племен Днепро-Донского междуречья VII–III вв. до н. э. // СА. 1985. № 1.

Мошкова М.Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифское время. М., 1989.

Медведев А.П. Городецкая культура на Дону и тиссагеты Геродота (Herod. IV. 22) // Проблемы древней и средневековой археологии окского бассейна. Рязань, 2003.

Медведев А.П. Земля донских будинов. // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны. Липецк. 1992.

Медведев А.П. Исследования по археологии и истории лесостепной Скифии. Воронеж, 2004.

Медведев А.П. Об этнокультурной ситуации на Верхнем Дону в начале железного века. // РА, 1993. № 4.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тыс. до н. э. М., 1999.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д 1–4. М., 1964.

Миронов В.Г. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4. Рязань, 1995.

Миронов В.Г. Памятники городецкой культуры и проблема ее локальных вариантов: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1976.

Онайко Н.А. Звериный стиль и античный мир Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.

Пузикова А.И. Акинак из с. Ключ Курской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

Разувяев Ю.Д., Курьянов А.В. Акинак из с. Латное Воронежской области // Археологические памятники бассейна Дона. Воронеж, 2004.

Розенфельд И.Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.

Рыков П.С. Отчет об археологических работах в 1930 г., произведенных в Нижневолжском крае. Архив ИИМК РАН. 1931. № 795.

Сарапулкина Т.В. Городища городецкой культуры в Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.

Синюк А.Т., Березуцкий В.Д. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). Воронеж, 2001.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культура. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифское время. М., 1989.

Хреков А.А. Городецкие поселения лесостепного Прихоперья. // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11.

Хреков А.А., Завитаев А.Н. Легенды и загадки Богатырки // Прихоперье и Саратовский край в панораме веков. Саратов, 2006.

Чернай И.Л. Выработка текстиля у племен дьяковской культуры (по материалам Селецкого городища) // СА. 1981. № 4.

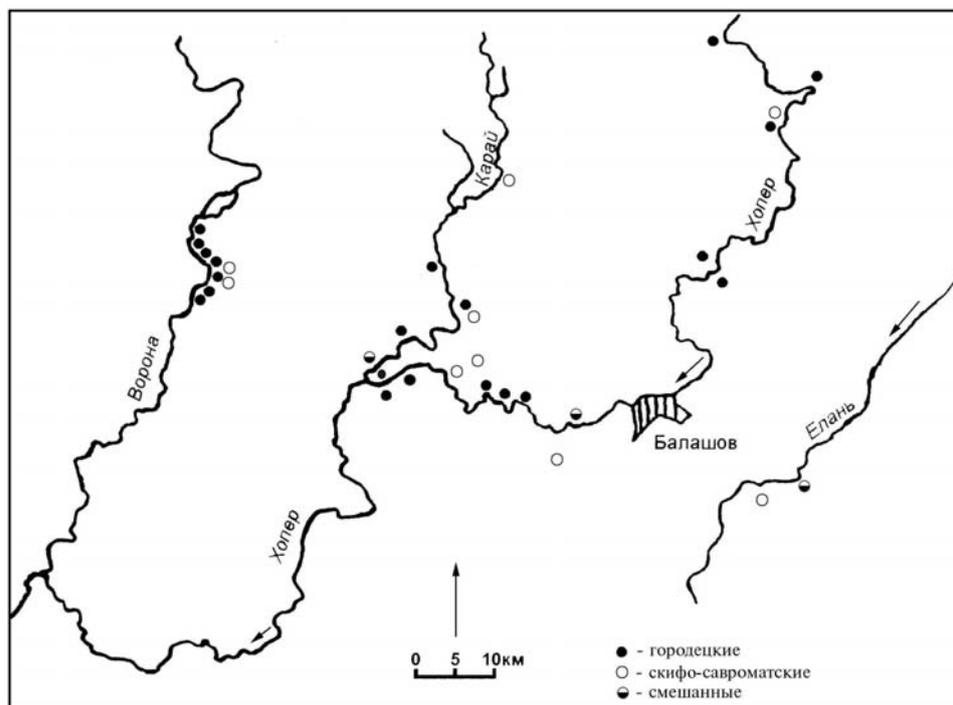

Рис. 1. Археологические памятники раннего железного века в бассейне лесостепного Хопра.

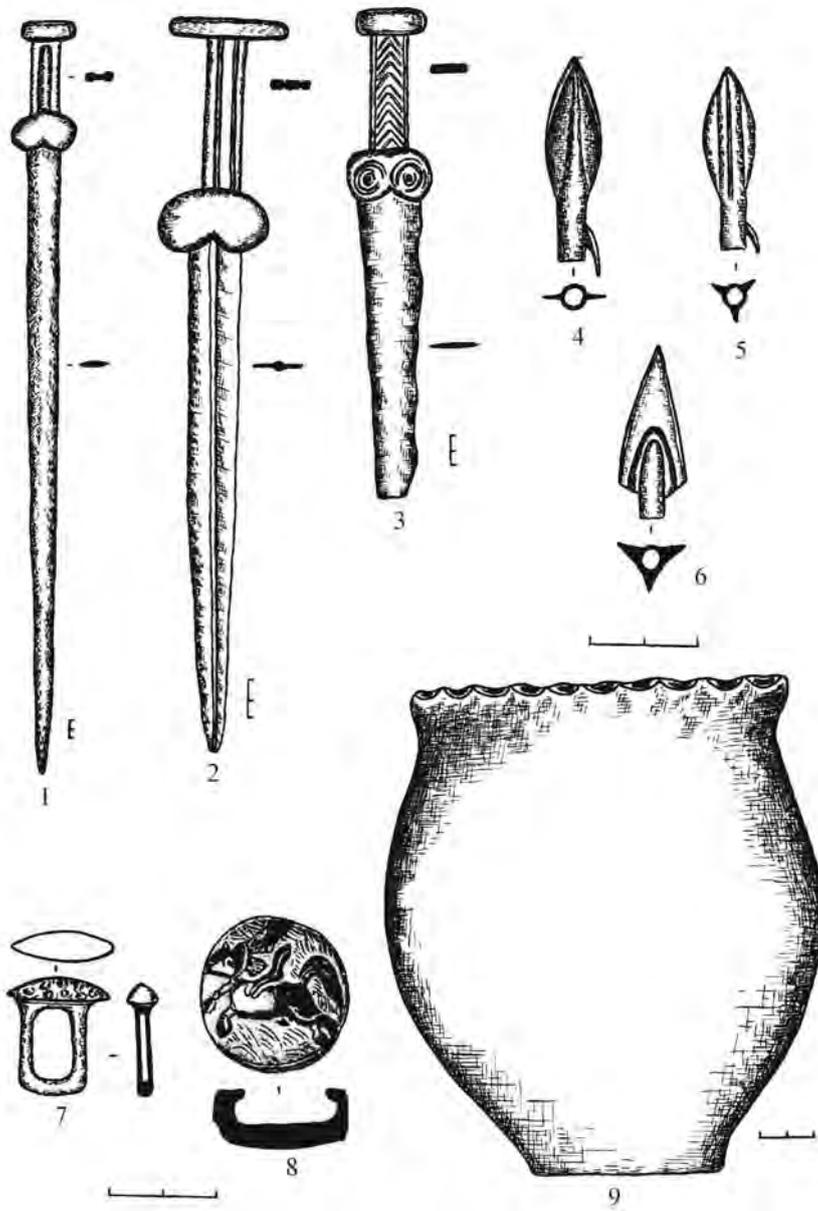

Рис. 2. Отдельные находки скифо-сарматского облика.
 1, 4 - Инясево; 2 - Малый Карай; 3 - Летяжевка; 5 - Родничок;
 6 - Шапкино I; 7-8 - Медвежий Куст; 9 - Борки.

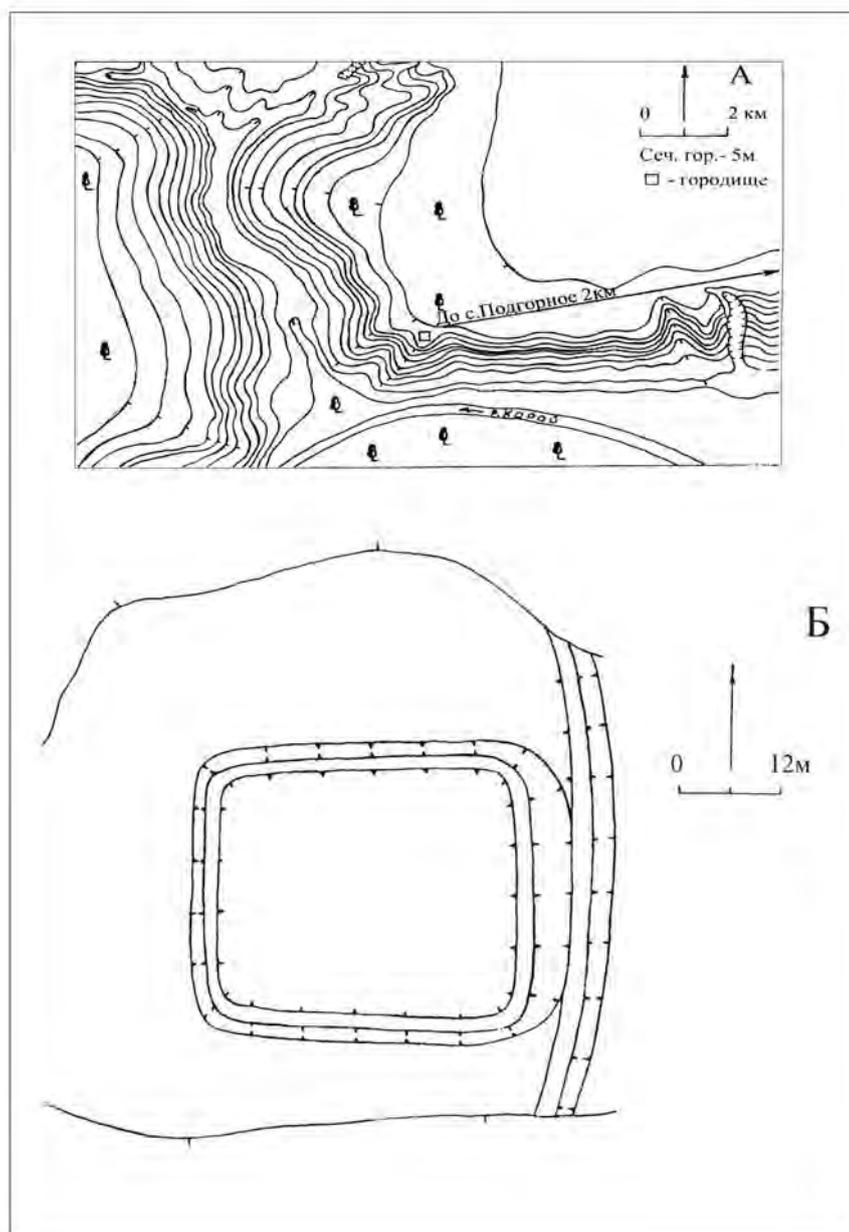

Рис. 3. Городище Богатырка. А - топографический план. Б - план укреплений.

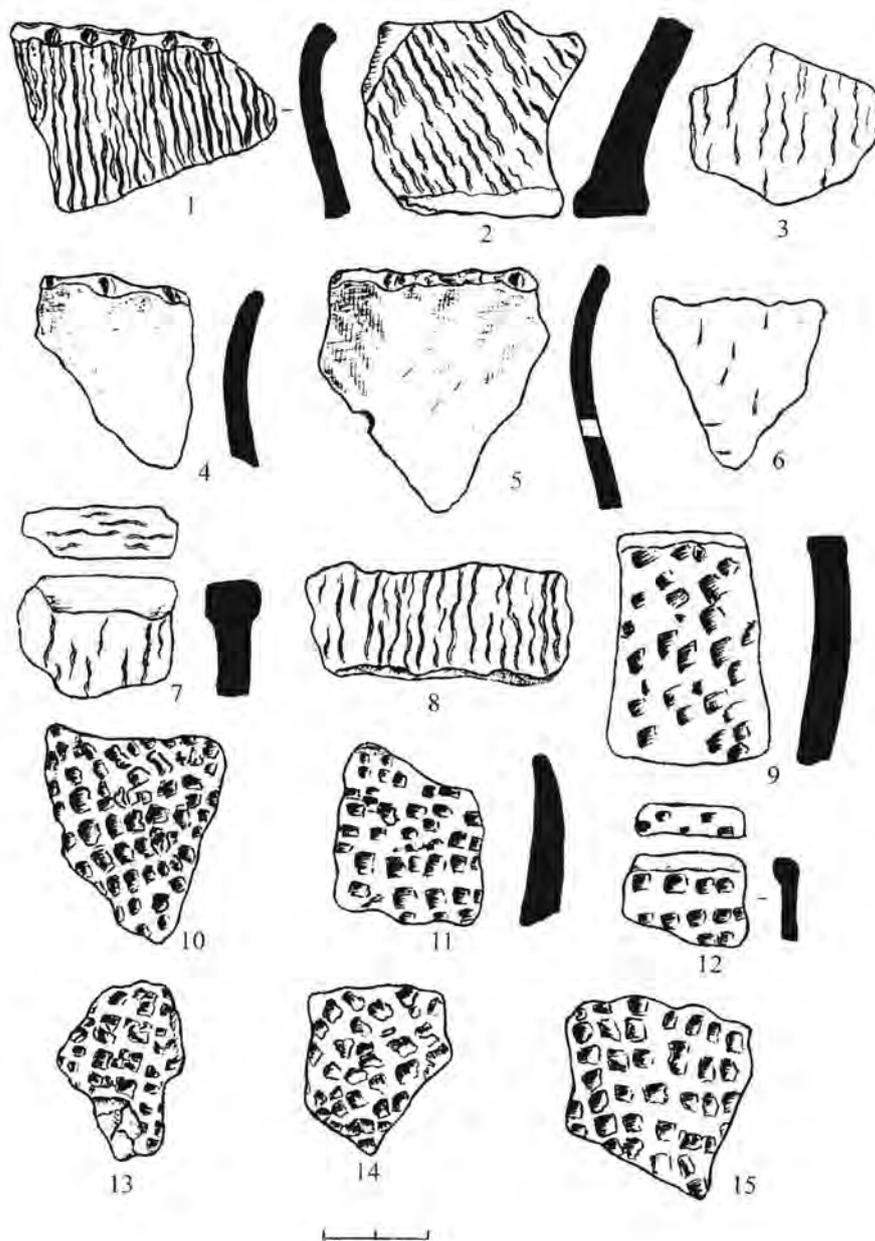

Рис. 4. Городище Богатырка. Керамика (1-15).

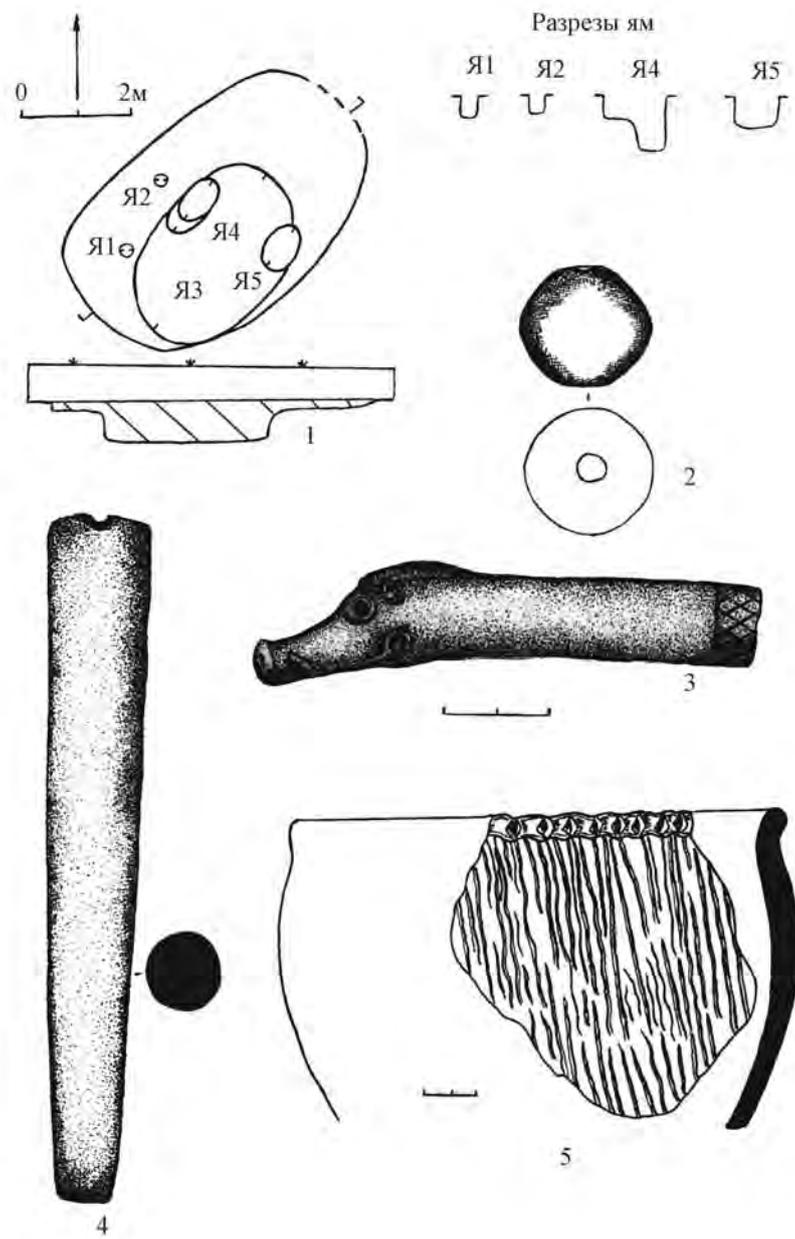

Рис. 5. Шапкино-I, дна 4. 1 - постройка и разрезы ямы; 2-5 - отдельные находки из слоя раскопа.

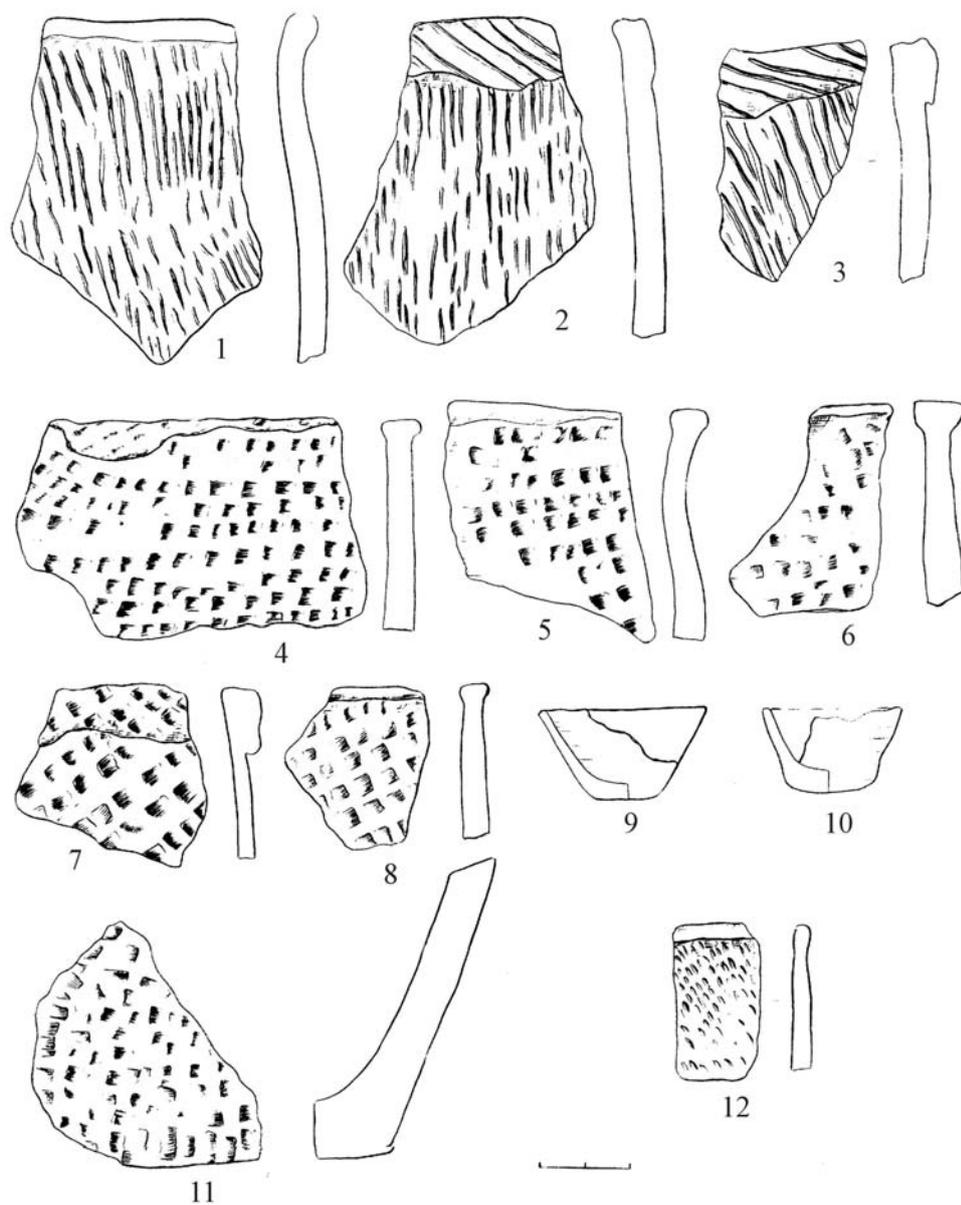

Рис. 6. Шапкино-I, дна IV, 1-12 керамика.

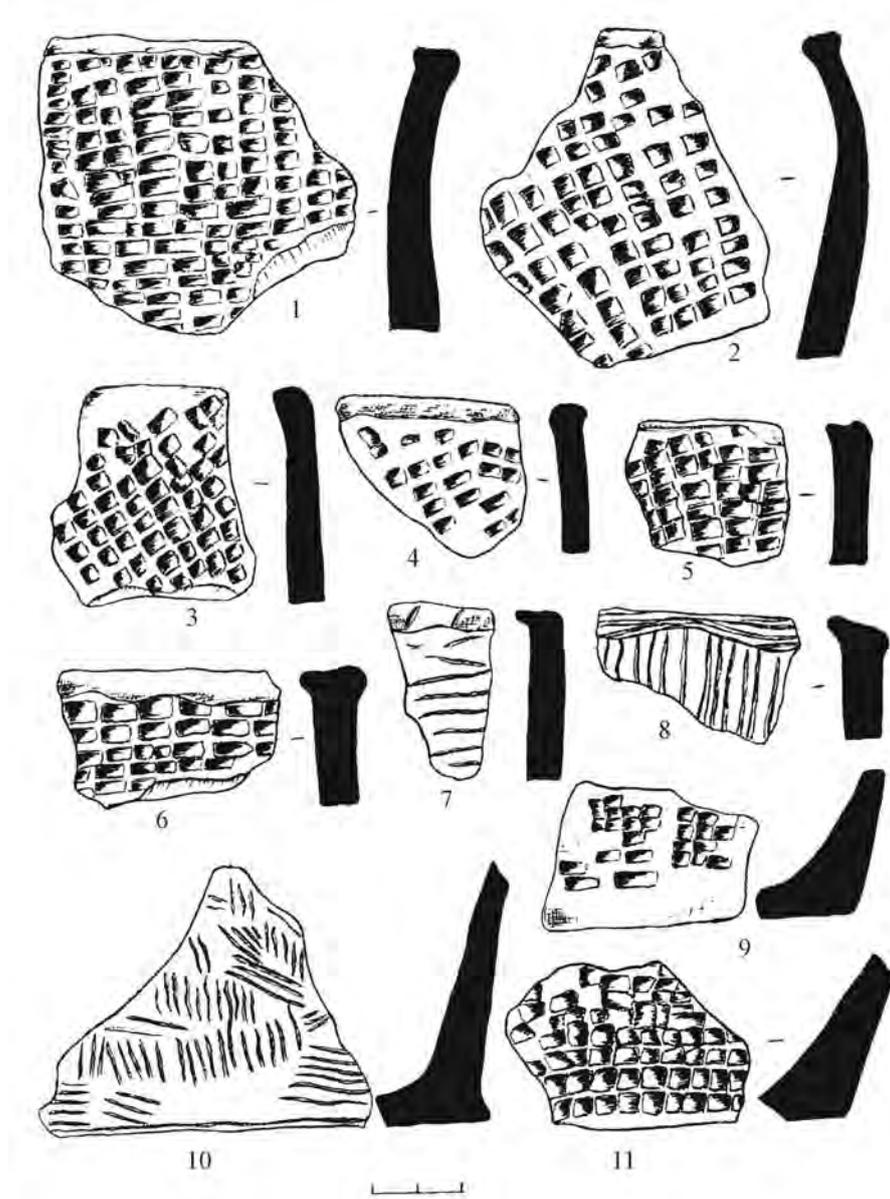

Рис. 7. Шапкино-VI. Керамика из слоя раскопа.

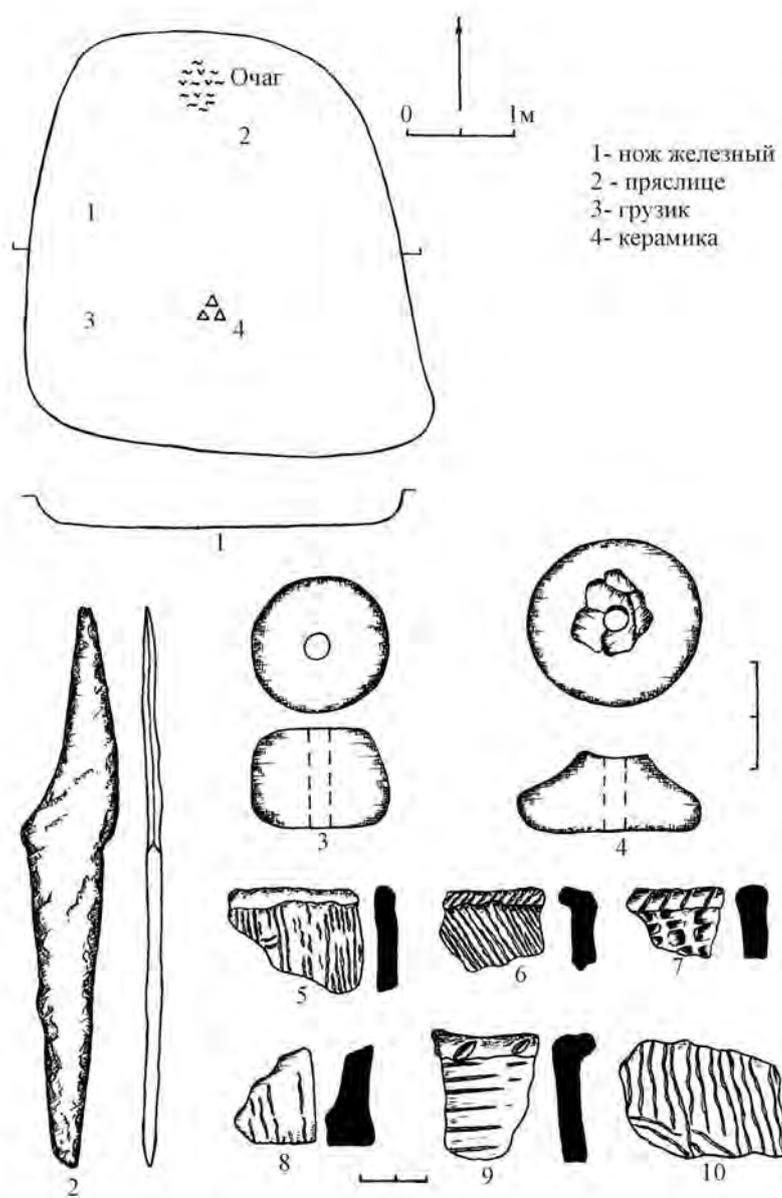

Рис. 8. Шапкино-VI. 1 - постройка, 2 - нож железный, 3 - пряслице, 4 - грузик, 5-10 - керамика.